

всего может быть характеризовано именем литературного критика, который в то время имел наибольшее влияние. Белинский в тридцатых и сороковых годах, Чернышевский и Добролюбов в пятидесятых и начале шестидесятых и Писарев в шестидесятых и начале семидесятых являлись главными представителями мысли в тогдашнем поколении образованной молодежи. Лишь позднее, когда началась действительная политическая агитация, разбившаяся сразу на два или три различных течения, даже в передовом лагере, Михайловский, главный литературный критик начиная с восьмидесятых годов вплоть до конца девяностых, отражал не целое движение, а только одно из его направлений.

Из сказанного ясно, что литературная критика в России имела некоторые свои специальные черты, не встречающиеся в других странах. Она не ограничивалась критикой произведений искусства с чисто литературной или эстетической точки зрения. Конечно, русский критик, как и все другие, прежде всего рассматривал, были ли, например, Рудин или Катерина типами, взятыми из живой действительности? Была ли повесть или драма хорошо построена, хорошо развита, хорошо написана? Но на эти вопросы не долго ответить, а между тем есть целый ряд вопросов, несравненно более важных, которые возникают во вдумчивом читателе при чтении каждого произведения, действительно принадлежащего к области хорошего искусства: вопросы, в данном примере, относительно положения Рудина или Катерины в обществе; о роли, плохой или хорошей, которую они играют в обществе; об идеях, вдохновляющих их, и о ценности этих идей; а затем — обсуждение самих поступков этих героев и их причин, как индивидуальных, так и общественных. В хорошем произведении искусства поступки героев, очевидно, бывают таковы, какими они были бы, при одинаковых условиях, в действительной жизни: иначе литературное произведение принадлежало бы к плохому искусству. Следовательно, поступки героев могут обсуждаться, как факты действительной жизни.

Но эти поступки, а также их причины и последствия, открывают пред вдумчивым критиком самые широкие горизонты: они дают ему возможность оценивать как идеалы, так и предрассудки общества, анализировать людские страсти, обсуждать типы, наиболее часто встречающиеся в данный момент, и т. д. В сущности, хорошее произведение искусства дает материал для обсуждения почти всех взаимных отношений данного типа в обществе. Автор, если он мыслящий поэт, уже сам — сознательно, а чаще бессознательно — принял в соображение все это. Он вкладывал в свое произведение свой жизненный опыт. Почему же критик не может раскрыть пред читателем все эти мысли, которые должны были мелькать в голове автора, иногда полусознательно, когда он создавал ту или иную сцену или рисовал такой-то уголок человеческой жизни?

Это самое и делали русские литературные критики последнего пятидесятилетия, а так как поле романа и поэзии безгранично, то едва ли найдется какой-нибудь крупный, социальный или общечеловеческий, вопрос, который подвергался бы обсуждению в их критических статьях. И следствие этого мы видим также, что произведения вышеназванных четырех критиков читаются теперь с такой же жадностью, как и во время их появления, двадцать или пятьдесят лет тому назад: они не потеряли ни своей свежести, ни интереса, потому что если искусство является школой жизни, то тем более это можно сказать о подобных критических произведениях.

Любопытно отметить тот факт, что критика искусства в России, с самого начала, т. е. с двадцатых годов XIX века, и совершенно независимо от господствовавшей тогда подражательности Западной Европе, приняла характер философской эстетики. Возмущение против псевдоклассицизма только что началось тогда под знаменем романтизма, и появление поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» только что дало первый практический аргумент в пользу мятежников романтизма, когда поэт Веневитинов (см. главу II), за которым вскоре последовал Надеждин (1804—1856) и Полевой (1796—1846) — действительный основатель серьезной журналистики в России — заложили основание новой критики искусства. Литературная критика, по их мнению, должна рассматривать не только эстетическую ценность произведений искусства, но прежде всего его руководящую идею — его «философское», его социальное значение.

Веневитинов, собственные поэтические произведения которого носят такой высокоинтеллектуальный актуальный отпечаток, энергично указывал на отсутствие высших идей в произведениях русских романтиков и писал, что «истинные поэты всех наций всегда были философами и достигали высочайших вершин культуры». Поэт, который доволен самим собою и не преследует целей общественного усовершенствования, бесполезен для своих современников²⁶.

---

²⁶ Я заимствую эти замечания о предшественниках Белинского из статьи проф. Иванова о литературной критике в России в «Русском энциклоп. словаре», том 32, с. 777